

Валентин Александрович Ковров, радист отряда «Особые»

В «треугольнике» с радиостанцией «Белка»

В начале февраля 1942 г. меня направили в отряд ст. лейтенанта пограничника Бажанова Михаила Константиновича, и я начал осваивать партизанскую радиостанцию «Белка», изготовленную в подмосковной радио лаборатории на ст. Кучино. Одновременно проходил обучение по шифровке радиосообщений. В первой половине марта проверил на связь свою радиостанцию, которая весила 26 кг и с источниками питания размещалась в чемодане. Сам сделал паяльник (разогреваемый на костре) и небольшой прибор для проверки электропитания и схемы радиостанции, взял в запас олова и канифоли для пайки; все это очень пригодилось. В отряде Бажанова было 37 человек, преимущественно спортсмены-добровольцы, в т.ч. известные довоенные мастера спорта. Я в отряде был самым молодым, мне было 18 лет. Наш отряд должен был вести разведку и совершать диверсии на дорогах между Смоленском и Оршей.

Из Москвы мы выехали 20 марта 1942 г.; ехали в открытых машинах до Калинина по Ленинградскому шоссе и видели следы великой битвы, развенчавшей миф о непобедимости немецкой армии... На автомашинах мы проехали через Клин, Калинин, Торжок до Осташкова, где пересели на сани с лошадьми и проехали около 200 км севернее Смоленска в Демидовский район; где проходила линия фронта. Здесь еще лежал снег, по ночам были морозы, дорога была в хорошем зимнем состоянии, на обочинах ее часто попадались немецкие могилы, на них аккуратные березовые кресты с выжженными надписями о погибших. Впервые на связь с центром я вышел, когда мы сделали из лыж санки-волокуши, перегрузили на них все имущество и вышли из деревни Трубилово. Связь установил быстро, слышимость была хорошей.

28 и 29 марта мы готовились к переходу через линию фронта: подгоняли к сапогам крепления лыж, упаковывали в вещмешки все, что должны были нести на себе, готовили к бою оружие. Несмотря на то, что отряд шел в тыл врага, вооружили нас не очень хорошо: у нас было всего 8 автоматов ППД, карабины, пистолеты ТТ и гранаты. В начальный период войны оружия не хватало во многих подразделениях Красной армии, одежда наша была полувоенного типа. С наступлением темноты мы стали на лыжи, запряглись в сани-волокуши из лыж и двинулись на юго-запад. Командир шел впереди за ним комиссар отряда — Алексей Авдеев, помощники командира — Борис Галушкин и Николай Голохматов, адъютант командира — Иван Рогожин... Шли по заснеженным полям и лесам, обходя населенные пункты. Я шел в середине цепи и не тащил волокушу, но нес на спине радиостанцию весом 26 кг.

Отряд шел медленно, за ночь мы прошли около 15 км и вошли в небольшой лес. Позавтракали консервами с хлебом, очистили от снега в нескольких местах землю, набросали на нее веток, положили на этот «матрац» плащ-палатки и по 3-5 человек, прижались друг к другу, укрылись плащ-палатками и легли спать, выставив часовых там, где мы вошли в лес и оставили на снегу следы от наших лыж. Во второй половине дня, 30 марта подкрепились холодной пищей и двинулись дальше в тыл врага. По оккупированной территории около 80 км отряд шел на лыжах ночами по 10-15 км в сутки. Железную дорогу между Рудней и Витебском преодолели без происшествий и оказались в заданном своем районе Смоленск–Витебск–Орша. До места базирования

отряда оставалось около 30 км, но в начале апреля снег стал быстро таять, тащить волокуши и идти на лыжах стало невозможно.

Мы спрятали в лесу около 400 кг продуктов питания и боеприпасов, взяли столько продуктов питания и взрывчатки, сколько смогли нести на плечах. У меня и многих других порвались сапоги, в лужах они наполнялись водой, но мы 5 апреля вошли в «свой» Витебский лес, недалеко от деревни Новая Земля и ж.д. станции Красное (около 70 км западнее Смоленска). Я поселился в палатке вместе с командиром, комиссаром и адъютантом командира Иваном Петровичем Рогожиным, известным лыжником, чемпионом страны¹⁴. В прилегающих к нашему лесу деревнях находились гарнизоны гитлеровцев, чтобы они не запеленговали стоянку нашего лагеря, для радиосвязи с центром я отходил от него на 1,5–2 км. Командир оберегал меня, когда я уходил для связи, он выделял для охраны автоматчиков. 5 апреля я зашифровал текст радиogramмы командира, в сопровождении выделенной охраны отошел от лагеря и в 14–00 передал в эфир свой позывной; мощная радиостанция центра сразу же ответила; я этому был бесконечно рад. В ответной радиogramме центр предлагал приступить к выполнению задания и запрашивал координаты площадки для сброса нам с самолета продуктов, других грузов.

Вечеру 8 апреля, группа во главе с Борисом Галушкиным пошла за упряженными нами грузами, которые из-за оттепели было невозможно тащить на волокушах. В ночь на 9 апреля староста деревни Могильна выделил 6 подвод, на которые загрузили продовольствие и боеприпасы, однако до рассвета они проехали только около 4 км. Вечером 10 апреля продолжили движение и к трем часам ночи подъехали к реке Березина, лед на которой растаял. Разобрали сарай недалеко от деревни Чушки и к утру 11 апреля сделав плот, готовились переправляться. Но в это время с возвышенности у деревни Чушки начался интенсивный обстрел наших подвод; груз потопили в реке, начали отходить вдоль берега к кустарнику. Галушкину и части бойцов удалось вплавь, под обстрелом переправиться на «наш» берег. На базу они возвратились с опозданием, измученные и оборванные.

Об этом мною в центр была передана радиogramма: «На группу, направленную за инженерным имуществом и продуктами 10 апреля, при переправе через реку Березина севернее деревни Протасово, напала группа противника 15–20 человек с ручным пулеметом и автоматами. Убит Кунин, а Лобов и Крылов пропали без вести. Мины, тол и продукты сброшены в реку Бажанов». Позже стало известно, что Лобов был убит, а раненого Крылова немцы взяли в плен; на станции Красное его вел немецкий конвой и офицер показывал отобранные у Крылова¹⁵ часы, подаренные ему, как чемпиону и хвастался, какого знаменитого партизана они поймали.

10 апреля отделение Сергея Корнилова устанавливала мины замедленного действия (МЗД) на ж.-д. Смоленск–Орша около деревни Шаховцы. Когда Корнилов заряжал мину, она вдруг взорвалась, разорвав его на части и ранив бойца Петра Горошко, который готовил приямок для установки мины. Немцы обследовали этот участок и обезвредили установленные ими мины. Гибель Корнилова всех потрясла; мины «МЗД» оказались не эффективными, они случайно взрывались по истечении химической реакции, длившейся несколько суток, но на немцев «МЗД» влияли психологически, и они прерывали движение поездов.

Продуктов у нас не было. Рано утром 14 апреля в лагерь привели лошадь сивой масти, очень тощую; на ее боках отчетливо выступали ребра. Бажанов приставил к уху

¹⁴ И.П. Рогожин был неоднократным чемпионом СССР и 8-кратным чемпионом РСФСР. *Прим. ред.*

¹⁵ Крылов Владимир Викторович — неоднократный чемпион СССР, чемпион мира по тяжелой атлетике.

лошади маузер, застрелил ее, и мы начали разделять тушу. Разожгли костры, начали варить конину, очень хотелось есть, но вода в котелках кипела, а мясо варилось очень медленно, поверх него образовался толстый слой серо-желтой пены. Мы ходили от костра к костру и спрашивали друг у друга — не сварилось ли мясо? Вода выкепала, мы подливали ее в котелки, а часа через полтора после начала варки, когда некоторые начали извлекать мясо и пытались грызть его, близко от лагеря прозвучала команда на немецком языке, раздались автоматные очереди, засвистели пули. Мы заняли круговую оборону, открыли ответный огонь, перестрелка внезапно окончилась. Бажанов дал команду автоматчикам преследовать немцев, но те убежали, оставив на снегу следы крови, пилотку и магазин от ручного пулемета. Позже нам стало известно, что один из немцев был нами смертельно ранен и умер в деревне Шарино.

Бажанов приказал срочно готовиться к переходу в другое место. Костры погасили, грызя недоваренное мясо, начали упаковывать имущество, в спешке было не до еды. Вечером 14 апреля, оставив большую часть кониной туши, отряд двинулся на новое место. Неожиданно мы встретили отряд лейтенанта Озмителя из ОМСБОН. Их направили в треугольник» раньше нас, в феврале 1942 г. для аналогичной с нами диверсионной работы. В его отряде были значительные потери, не было радиста, они поддерживали связь с центром через мою радиостанцию. Наша новая база было рядом с базой Озмителя, он часто бывал у нас и вместе с Бажановым координировал операции по минированию дорог, обмениваясь информацией о противнике. Находясь в одной палатке с Бажановым, я был свидетелем их встреч. Озмитель тоже был пограничником, он был выше среднего роста, худощав и по возрасту выглядел моложе Бажанова.

У меня сложилось мнение о беспокойном характере Озмителя; в своих действиях он допускал горячность, поспешность в оценке фактов, часто руководствовался порывами души и эмоциями, а не рассудком. Но по рассказам о проведенных операциях, он действовал смело и решительно, не избегал встреч с врагом, не боялся подставить себя под пули, а условия, в которых проводились наши операции и малочисленность наших отрядов требовали осторожность, осмотрительность, не лезть без крайней необходимости на рожон, чтобы избежать неоправданных потерь. Наш командир выгодно отличался от Озмителя в этом отношении, старался не входить в стычки с врагом, а наносить противнику максимальный урон при большой подготовке, осторожности, выдержке, терпении. Наши базы после встречи с отрядом Озмителя находились недалеко одна от другой до конца пребывания в этом «треугольнике»

Очень тяжелыми для нас был апрель и первая половина мая: продукты кончились и доставались с большим риском, поскольку в окружающих нас деревнях находились немецкие гарнизоны. Это заставило даже послать группу на старую базу за оставленным там мясом лошади и около месяца довольствоваться только кониной, которая варилась долго, разгрызалась с трудом. Но другой пищи не было, а к месту боевых действий приходилось добираться по бездорожью, в распутицу, в плохой обуви по воде и холодной земле. Большинство из нас страдало от простуды и болезненных язв. После Москвы мы не имели возможности вымыться, наше белье пропиталось потом, грязью, завелись вши и наш доктор — Саша Вергун был бессилен против наших многочисленных болезней, вызванных постоянной простудой и полуголодной, напряженной жизнью. Но мы не унывали и регулярно подрывали поезда, автомашины, разрушали линии связи врага.

Центр знал, что у нас нет продуктов, готовил нам самолетный груз. Я ежедневно выходил на связь и с 26 апреля мы жгли сигнальные костры для самолета, но его не было. И только в ночь с 17 на 18 мая он прилетел, сделал несколько кругов над поляной с нашими кострами и сбросил 15 мест на парашютах и 2 без них два тюка с сапогами.

Часть продуктов и обуви мы передали отряду Озмителя. В конце мая 1942 г. гитлеровцы начали готовиться к наступательным операциям под Воронежем и Сталинградом и стали перебрасывать туда воинские части из гарнизонов «треугольника». У нас появилась возможность бывать в ближайших деревнях; мне разрешил командир сходить с группой за продуктами в деревню Новая Земля. Ночью подошли к домику на окраине, постучали в окно. Занавеска сдвинулась, появилась женщина, спросила кто мы и что нам нужно. Узнав, что мы партизаны, она открыла окно, принесла нам хлеба, картошки и отличного сала. Рассказали ей о событиях на фронте, поблагодарили за продукты. Это была моя первая встреча с местными жителями.

О результатах боевой деятельности в центр регулярно сообщались радиogramмы. В ответных радиogramмах были благодарности личному составу, а командиру отряда досрочно было присвоено звание капитан. Бажанов был очень этим обрадован, попросил у комиссара отряда Алексея Авдеева две шпалы. и закрепил их на петлицах своей гимнастерки вместо кубиков старшего лейтенанта.

12 мая при минировании железной дороги был тяжело ранен немецким патрулем наш Степан Несынов и его принесли в лагерь на носилках. 14 мая я передал в центр радиogramму с просьбой о его эвакуации через линию фронта. На следующий день нам разрешили его эвакуировать; это было поручено группе под командованием младшего лейтенанта Василия Галушкина. Они вышли из лагеря 19 мая, пронесли раненого на носилках по оккупированной территории около 80 км. и сдали 7 июля Несынова в военный госпиталь при деревне Рубаники, Демидовского района, Смоленской области.

Привожу содержание отдельных радиogramм за последний период нашей совместно с Озмителем разведывательной деятельности:

«10 мая в 01.40 на 412 км подорван эшелон, следовавший в Оршу, разбито 8 вагонов и паровоз; одновременно в трех местах взорвано ж.д. полотно, оборвано 300 м линии связи у ж.д. и 150 м у шоссе. Осталось взрывчатки 10 кг. Бажанов».

«С 12 по 15 мая наши самолеты бомбили ж.д. мост на ст. Рудня и сбросили 10 бомб. Попадание прямое, но бомбы не взорвались. В одной из бомб найдена записка: «чем можем — тем поможем. Озмитель.»

Бажанов возражал против передачи этой радиogramмы, считал, что информация о бомбах и записке требует проверки. Но Озмитель настоял на ее передаче в центр. Вечером в тот же день я принял радиogramму, в которой Озмителю предлагалось сообщить источник этой информации и указать, где обнаружена записка. Он долго не отвечал на запрос, поскольку получил информацию из сомнительного источника, а затем выяснилось, что она была ложной (я передал об этом радиogramму Озмителя 18 июля 1942 г.)

По поручению Ф.Ф. Озмителя я передал в центр следующие сведения:

«20 мая через Оршу проследовали на восток два поезда с войсками, в красноармейской форме. Один солдат рассказал, что они едут с заданием перейти линию фронта. Озмитель.»

После войны адъютант Озмителя Александр Казицкий подтвердил достоверность этого факта.¹⁶

¹⁶ Речь идёт о группе предателей из РННА, которых готовили для покушения на генерала П.А. Белова и разложения его корпуса. Подробнее об этом смотрите в статье А.С. Казицкого.

«С 31 мая по 7 июня на шоссе Смоленск-Орша подорвано 11 автомашин с грузом, 3 легковых и 2 с живой силой. Убито и ранено до 40 солдат и офицеров, уничтожено 340 м линий связи. Бажанов».

«16.06. Усилился подвоз живой силы и техники на Смоленск; с 1 по 10 июля прошел 31 эшелон с живой силой, 6 — с танками, 4 — с бронемашинами, 2 — с самолетами и планерами. Озмитель.»

Летом из-за появления листьев качество радиосвязи ухудшилось; меня центр начал принимать все хуже, но слышимость их мощного передатчика была хорошей. Сброшенный самолетом комплект батарей оказался некачественным. Нужно было решать проблему. Я нашел в 2 км от базы большую ель, высота которой превышала 30 м, натянул по ее стволу провода антенны, которые не снимались после сеансов связи, а на высоте 16 м от земли сделал на ее ветках сидение для себя и полку для радиостанции. При радиосвязи забирался на ель, а затем веревкой поднимал радиостанцию: центр стал слышать меня. Но в мае-июне моя радиостанция дважды выходила из строя, неисправности удавалось найти с помощью моего прибора, а устранить их с помощью паяльника.

В июне-июле 1942 г. в «треугольнике» активизировалась деятельность разведки штаба Западного фронта, задания которого выполняли местные партизанские отряды. Несогласованность их взаимодействий с отрядами ОМСБОН и гитлеровские провокации с использованием отрядов создаваемой ими «Русской народной национальной армии» вызывали иногда даже перестрелку между группами партизан. При этом у нас кончались боеприпасы, электропитание радиостанции, личный состав устал физически. Командование отряда решило выходить за линию фронта. В лесу нам встретился отряд Георгия Хвостова недалеко от деревни Ельня, в которой мы разбили свой палаточный лагерь, общались с жителями, купались в реке с одноименным названием Ельня, помогали жителям на сенокосе, а они давали нам хлеб, молоко и другие продукты. Пробыв здесь неделю и убедившись в активности местных партизан, наши командиры Бажанов и Хвостов решили идти на большую землю, проведя здесь последнюю операцию.

У нас оставалось немного взрывчатки и одна неизвлекаемая мина (НМ); она размещалась в фанерном ящике размером 16+15+5 см с шашкой тола в 200 г., электровзрывателем, заводной механизм от часов ходиков, батарейка от карманного фонаря и система замыкания цепи электродвигателя. После приведения механизма в боевое состояние мина могла взрываться от небольшого сотрясения; трогать или извлекать ее после установки нельзя.

18 июля 1942 г. мы встали рано, разожгли костер и сидели вокруг него на деревянных ящиках, готовя оружие и имущество к переходу через линию фронта. А в 10 м. от костра командир отделения подрывников Алексей Моргунов устранял неисправности последней неизвлекаемой мины. Он полагал неисправной батарейку, от которой срабатывает детонатор. У него в запасе была вторая батарейка, у которой оторвался один из проводов; он спросил меня, не смогу ли я припаять этот проводник. Я взял у него батарейку, разогрел на костре паяльник, припаял провод, подошел к Алексею, сказал, что неисправность устранена и стал наблюдать из-за его спины, как он отверткой что-то делает с часовым механизмом мины. И вдруг — взрыв! Я посмотрел на то место, где он сидел и увидел разорванное на части тело, которое вдруг застонало. Комиссар отряда Авдеев, увидев мучения разорванного на части тела, достал из кобуры свой маузер и выстрелил в голову Алексея: его тело стало недвижимым.

Сидевшие у костра ребята попадали с ящиков на землю от взрывной волны, но не пострадали. Больше всех пострадал Бажанов, в сторону которого полетел часовой механизм и его части ранили командира в лицо и грудь, один из осколков попал в глаз. Тело Алексея Моргунова завернули в плащ-палатку и захоронили на опушке леса у деревни Ельня, отдав ему почести троекратным салютом.

В ночь с 23 на 24 июля мы снялись со своей последней базы и двинулись к линии фронта. Наиболее трудным оказался переход через железную дорогу. Смоленск – Витебск в 10 км юго-восточнее ст. Рудня, около деревни Жарь. Переходили утром быстро; немцы видели нас с переезда, но побоялись и даже остановили поезд, двигавшийся в нашу сторону. Когда мы отошли от переезда около одного км. они начали стрелять из крупнокалиберных пулеметов, стоявших на вышках вдоль ж.д. на расстоянии 1–1,5 км друг от друга, но не причинили нам вреда. Линию фронта преодолели, не встретившись с немцами, которые перебрасывали войска отсюда на юг к Сталинграду. Перейдя фронт, раненого Бажанова в сопровождении его адъютанта и доктора отправили в Москву, в глазную больницу. А мы прибыли в Москву только 4 августа 1942 г., прошли санитарную обработку в санпропускнике, где впервые после отъезда из столицы, вымылись в бане с горячей водой и всю одежду прожарили горячим воздухом в специальной камере.

За успешное выполнение заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков Всесоюзный староста, Михаил Иванович Калинин вручил нам ордена.

На снимке 30 апреля 1943 г. в наградном зале Кремля, в первом ряду, 5-й слева направо Ковров В.А.